

«У меня на руках было
большое русское дело...»
Воспоминания из архива
генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата
(часть II)¹

Публикация А. В. Луговой

**Роль Японии и союзных держав в создании
антибольшевистских формирований**

Во время Германской войны в 1916 году в Японию был послан Великий князь Георгий Михайлович. Его сопровождал японский генерал-майор Накашима, хорошо говоривший по-французски². При проезде Великого Князя по КВЖД я много беседовал с Генералом Накашима и у нас установились очень хорошие отношения.

В один из декабрьских дней 1917 года я приятно был поражен, увидев у себя генерала Накашима, который после краткого обмена приветствиями перешел прямо к делу: он советовал мне выступить с отрядами в пределы России и принять на себя всю полноту власти. За успех этого акта он ручался, так как хорошо был осведомлен о положении дел в областях Дальнего Востока и о настроении населения в России вообще. Он утверждал, что мое выступление будет приветствовано русским населением и поддержано Японией.

Полномочий генерал Накашима мне не предъявил, да и спрашивать их мне, как у хорошего знакомого было неловко. Само собой было ясно, что Накашима имел ко мне поручение правительства и делал мне предложение не от себя лично.

В то же приблизительно время осведомиться о формированиях в полосе отчуждения прибыли в Харбин французский военный агент капитан Пелье и американский майор Дрозден³. В разговорах с консулами и военными агентами, прибывавшими в Харбин и интересовавшимися белым движением, они выражали сомнение и не верили в успех нашего движения ввиду малочисленности нашей.

**Луговая Анна
Владимировна,**
заведующая
отделом «Новые
музеи и выставки»,
Государственный
музей-заповедник
«Петергоф»
(Санкт-Петербург)

Я возражал, что в данный момент расчеты с карандашом в руке не применимы. Надо учитывать моральное настроение масс, среди которых нам придется действовать. Мы знали настроение населения Сибири, где не было ни рабочего вопроса, так как Сибирь страна непромышленная, где не было и аграрного вопроса, так как крестьяне имели столько земли, что не имели возможности собственными средствами ее обрабатывать. Не было в Сибири крупного землевладения и помещиков. Всякие новшество оно встречает враждебно, боясь утратить свое прежнее положение. Мы считаем, что наше движение по мере продвижения вперед будет шириться, а наши силы расти как ком, катящийся по рыхлому снегу.

Но карандаш и бумагу мы возьмем в руки только в том случае, если мы встретимся с вооруженными пленными немцами. Но в этот момент и Вам нужно будет взять карандаш в руки и подсчитать, сколько из четырех миллионов военнопленных будут переданы германскими преступниками Лениным и Троцким на германский фронт.

Проехав на пограничные станции, Пелье и Дрозден, возвратились в Пекин. После доклада посланникам и правительству, Пелье и Дрозден возвратились обратно в Харбин. Дрозден попросил меня дать ему вагон и кого-либо из агентов, знающих английский язык. Я командировал к нему Игнациуса⁴. Оказалось, что Дрозден какими-то судьбами добыл разрешение проследовать до Иркутска, но не через станцию Манчжурия, а по Уссурийской и Амурской дорогам.

Дрозден во время этой поездки лично видел несколько поездов с вооруженными военнопленными германцами. Он с неподдельным подъемом рассказывал мне о своем путешествии и, не задерживаясь в Харбине, отправился в Пекин. В Харбине же носились упорные слухи о том, что немецкие военнопленные в Сибири вооружаются большевиками оставшимся от царского правительства оружием и полученным от союзников и отправляются на французский фронт и на восток против белых.

Переговоры мои с генералом Накашима не приводили и не привели к определенным решениям. Накашима настаивал на нашем выступлении, после чего обещал помощь японского правительства. Я же настаивал на снабжении нас оружием и боевыми припасами, без которых выступление считал обреченным на неуспех. Кроме того, японский генеральный консул Сато сообщил мне в Харбине, что о намерении японского правительства оказать нам поддержку ему ничего не известно⁵.

Все изложенное заставило меня быть осторожным и изыскивать другие пути для снабжения отрядов оружием и боевыми припасами и деньгами.

Я через Путилова, который был в это время в Шанхае, снесся с помощником военного агента в Китае подполковником Кременециким и просил из имеющихся у него денег русского правительства отпустить кредит на покупку оружия и снаряжения к нему.

Пока шли эти переговоры, ко мне приехал бывший генеральный консул Харбина Каваками и сообщил, что он послан ко мне премьером генералом Тераути, который отдавая

должное моему патриотизму и осведомленный о моем намерении выступить для защиты русского народа и освобождения его от власти коммунистов, предлагает мне от имени Японии помощь⁶.

Причем просит передать, что Япония за оказанную помощь ни на какие территориальные жертвы с нашей стороны не рассчитывает. Она намерена при заключении соглашения в будущем получить преимущества в получении рыбных промыслов в районах и получении концессий, а равно будет настаивать на разоружении Владивостокской крепости и просит меня сообщить, в чем я нуждаюсь и какая нам нужна помощь.

Я составил список необходимого нам оружия и снаряжения и передал его Каваками и Накашима. В самое непродолжительное время я получил уведомление, что мои пожелания будут удовлетворены. Через несколько дней оружие прибыло в Чангчунг. Я тотчас уведомил военного агента Кременецкого о том, что помощь оружием больше не нужна. Вслед за согласием Японии оказать нам реальную помощь часть оружия дали и французы, но Пелье направил его не в мой адрес, а прямо Семенову.

Таким образом, получив помощь от японцев, я никакого соглашения, определяющего размер нашего вознаграждения за оказываемую помощь, не заключил.

После оставления русской армией фронта союзники переживали очень тревожное и тяжелое время. Все германские силы, сражавшиеся против русских, были переброшены на западный фронт. Но тут же выявилась и другая угроза — это возможность вооружения миллионов военнопленных, бывших в России, и доставка их на французский фронт.

Кроме того, определенная существовала также угроза возможных совместных действий большевиков с немцами. Союзники, ввиду этого, во всех пунктах, где только было возможно, поставили к большевистскому телу пивавки. Поддерживалось контрреволюционное движение в Архангельске при содействии флота и английского отряда, и в Любаве, и в Одессе, и на Кавказе, и у Каспийского моря.

Такую же угрозу большевикам союзники намеревались создать и на Дальнем Востоке. Союзники понимали, что если им удастся вовлечь Японию в эти операции, то она, как держава, не принимавшая активного участия в войне и сохранившая свои силы, может оттянуть от запада не только внимание большевиков, но и значительные силы.

Но осуществление этого намерения пугало союзников. Они боялись, что японцы, напад на материк, не пожелают удалиться из захваченных ими областей. Особенно этого боялись американцы. Американский консул Мозер следил за каждым шагом японцев и интересовался малейшими деталями моих разговоров с японцами⁷.

Мы точно так же как и союзники понимали, что реальной силой на Дальнем Востоке является только Япония, и что она одна немедленно могла бы оказать нам поддержку и выбросить большевиков из области Дальнего Востока и Сибири и, таким образом, оградить свою страну от соприкосновения с большевиками и проникновения большевизма в Японию.

Мы ясно понимали, что главная цель Японии в деле оказания нам помощи — это ограждение себя от большевизма, а не захват каких-либо территорий, принадлежащих России.

Мы охотно соглашались на помощь Японии, так как видели, что в данный момент их интересы совпадали с нашими. Но воспользоваться японской помощью в полной мере нам не удалось. К концу войны самой сильной державой и в наиболее выгодных условиях оказалась Америка. Ее ресурсы не были истощены, и значительная часть еврейского золота с материка была выкачана Америкой. Судьба всех народов была в руках Америки, к ее голосу прислушивались все державы.

Америка, зорко следящая за развитием Японии, воспротивилась выступлению на Дальнем Востоке одной Японии, и союзные державы решили послать войска от каждой из союзных держав. Факт международной интервенции укрепил нас во мнении, что дело идет не о помощи белым, не о намерении спасти Россию от большевиков, а выполняется план отвлечения внимания большевиков от внешней политики организацией внутренних беспорядков междуусобной войны во всех пунктах, где, пользуясь силами белых, их возможно было снабжать вооружением и военными припасами и поддерживать своими мелкими отрядами и флотом.

Мы охотно принимали эту помощь, так как рассчитывали, что она положит начало ниспровержению большевиков. И хотя наши надежды не сбылись, но мы всегда с благодарностью будем вспоминать о помощи союзников, которая дала нам возможность начать борьбу с большевиками.

Мы не могли требовать от народов действий, направленных в ущерб их нациям. К сожалению, интересы союзных держав и наши в это время не совпадали. Нам нужна была сильная Россия, а союзникам, в интересах политического равновесия, слабая Россия.

Но мы льстили себя надеждой, что настанет момент, когда для мирового равновесия понадобится сильная Россия. Этот момент мне ясен. Восстановление мощи Германии потребует восстановления могущества России. И те державы, которые в благодарность за мощную поддержку, оказанную союзникам Россией, ее расчленили, не раз о своей черной неблагодарности будут сожалеть. Конечно, сентиментализм неуместен, политика беспощадна, но меня, как русского, такое обращение с Россией не может не возмущать.

Как я говорил раньше, противоречия в заявлениях генерала Накашима и генерального консула, а равно и несогласованные действия представителей различных наций в деле оказания помощи отрядам, побудили меня поехать в Пекин, дабы осветить создавшееся в Харбине положение и выяснить отношение посланников держав и китайского правительства к начатому мною антибольшевистскому движению.

Я был любезно принят президентом Китайской республики генералом Фэн Гочжаном и всеми посланниками. Был я и у генерала Дуан-Цзи-Жуй, который носил титул Командующего войсками, действующими против Германии⁸. Президент и Дуан-Цзи Жуй, в сферу влия-

ния коего входили пограничные области, обещали мне поддержку и дали распоряжение на места оказывать мне содействие. Особенно мне было приятно встретиться с японским посланником Аrimi Дусорданаши, с которым я был знаком с 1909.

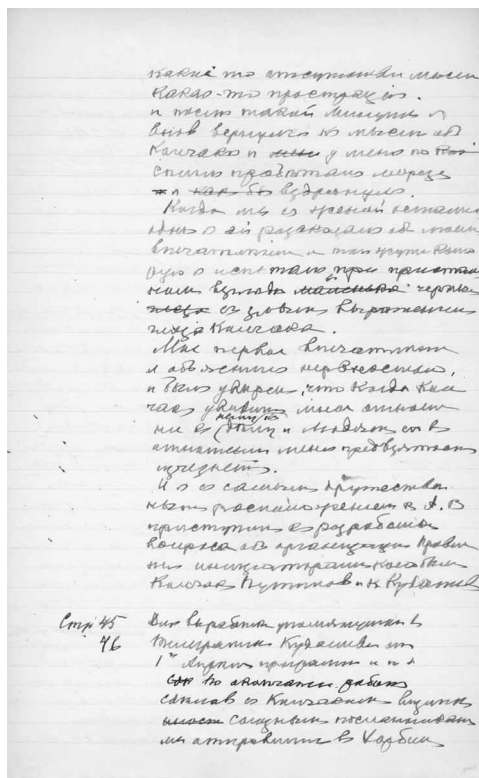
Я объяснил союзным посланникам создавшееся в полосе отчуждения положение. Все отряды, мною сформированные, выбивались из-под общего руководства частными распоряжениями находившихся в Харбине агентов держав, симпатизировавших то одной, то другой военной группе в зависимости от того, кто из начальников отрядов проявит там больше лихости и распущенности им казаков. Они считали, что для революционной борьбы нужны лица решительные и неразборчивые в средствах.

На деле это не оправдалось, такие люди вносят при всяких обстоятельствах развал. Они скоро теряют доверие своих сподвижников и выпускают из рук управление. Я сознавал, что объединение всех отрядов возможно только в том случае, если все средства будут у меня. А потому одной из главных моих задач было добиться в Пекине того, чтобы вся помощь направлялась мне. В случае если союзники находят желательным, я ничего не имею против установки их союзнического контроля над расходованием отпускаемых денежных сумм.

Я заявил посланникам, что если они хотят помочь нам и поддержать меня, то вся помощь должна направляться мне. После обмена мнений, посланники решили поддерживать меня и всю помощь направлять мне.

Во время прощальных визитов все посланники, кроме американского, вновь подтвердили мне свое решение в присутствии нашего посланника князя Кудашева⁹. С американским посланником о направлении помощи через меня говорить не пришлось, так как ни Джон Стивенс, ни американский консул в Харбине в помощи антибольшевистскому движению не участвовали.

Надо отдать справедливость Стивенсу, что он строго ограничил свою деятельность помощью железным дорогам и в политику не вмешивался. Никому не удалось вывести его на

Фрагмент рукописи Д. Л. Хорвата. 1930 г.

откровенную политическую беседу. Так и до сих пор мы не знаем, что он из себя представлял в политическом отношении, сочувствовал ли он движению или нет. Среди агентов, прибывших из Америки для инструктирования, многие сочувствовали революции и подогрели настроение рабочих и агентов дороги.

В бытность мою в Пекине я получил телеграмму, что Семенов, пользуясь моим отсутствием в Харбине, вторгся со станции Манчжурия в пределы Забайкальской области против большевиков, но потерпел неудачу и вынужден был отступить обратно в пределы Китая.

Было ясно, что Семенов обнаружил полную неспособность руководить боем, что его выступление было безумным и что он проявил инициативу только для того чтобы закрепить за собой славу борца, поднявшего первым оружие против большевиков. Подобные выходки нравились изнервничавшейся эмигрантской массе и даже иностранным представителям в Харбине вроде майора Кураки, но эти выступления были безумными и нанесли вред делу¹⁰.

Семенов потерял в это выступление почти все оружие. Пришлось вновь формировать и вооружать его отряд. Мысль о том, что нужен для руководства боевыми операциями опытный человек, меня очень заботила. Выступление Семенова ясно указало, что положиться на наполеонствующих нельзя.

Адмирал А. В. Колчак. Сибирское правительство П. Я. Дербера. Решение о принятии на себя всей полноты власти

Я находил, что кроме военного опыта, нам нужен человек, который пользовался бы известностью в России, имя коего было бы популярно среди русского народа. Так как считал, что имя вселит доверие к движению. Но на Дальнем Востоке такого военачальника не было.

Носились слухи, что в Японии или Гонконге находится известный командир Черноморского флота адмирал Александр Васильевич Колчак, но что он поступил на службу в Английскую армию и что он едва ли согласится прибыть для наших целей в Манчжурию¹¹.

Посоветовавшись с князем Кудашевым относительно привлечения его в качестве командующего войсками в полосе отчуждения, мы решили пойти к английскому послу Джордану и просить его послать запрос английскому правительству на возможность отпустить в Манчжурию А. В. Колчака¹².

В случае согласия правительства, запросить Колчака, согласен ли он принять предложение стать во главе антибольшевистских отрядов, сформированных мною в полосе отчуждения КВЖД. Через несколько дней сэр Джордан уведомил, что согласие английского правительства и Колчака получены.

Таким образом, в Пекине мне обещана была поддержка в деле выступления против большевиков наиболее заинтересованных держав. Помощь оружием и денежную решено было направить мне. Причем мы являлись не наемниками, а союзниками, которым оказывается дружеская помощь.

О моих достижениях в Пекине в Харбине не было известно, но и после приезда я никому ничего не сказал, решил выждать результатов и взвесить создавшуюся за мое отсутствие обстановку. События свершались не днями, а часами. Мне нужно было выяснить отношение ко мне политических партий.

2 февраля 1918 года политические организации, собравшиеся в полосе отчуждения, провели объединенное заседание, которое вынесло следующее постановление: «По имеющимся у совещания от управляющего генеральным консульством сведениям, как со стороны китайских властей, так и со стороны союзников не встречается никаких препятствий к тому, чтобы в Харбине и вообще в полосе отчуждения КВЖД происходило формирование воинских отрядов, предназначенных для действий против большевиков за пределами дороги.

Борьба с большевизмом должна быть направлена к водворению того порядка управления страной, впредь до установления Учредительным Собранием какого-либо другого, который существовал при Временном правительстве. Временное правительство осуществляло свою власть на местах через назначенных им Комиссаров. Для полосы отчуждения КВЖД комиссаром был назначен управляющий дорогой Д. Л. Хорват. Поэтому ближайшая забота о восстановлении нарушенного большевиками государственного порядка должна лежать на нем, Комиссаре Д. Л. Хорват.

Ввиду этого, соединенное совещание постановило: просить Д. Л. Хорвата принять исключительно на себя, как на Комиссара Временного правительства, борьбу с большевиками и формирование для этого воинской силы, произведя для этого немедленно мобилизацию всех находящихся здесь воинских чинов».

Это постановление было мне вручено.

Аналогичные обращения последовали от партии народной свободы (КД) и Дальневосточного Комитета Защиты Родины и Учредительного собрания, председателем которого был избран бывший председатель исполнительного комитета Харбинской революционной организации Александров, поставивший своей задачей изыскание денежных средств для поддержки сформированных отрядов и организаций и поддержки краевой власти на дальнем Востоке.

Как явствует из этих постановлений, общественность не знала о моей работе по борьбе с большевизмом, я не мог открыть своей работы и своих планов.

Я был озабочен вопросом об организации официального выступления. Выступление мое во главе отрядов, даже как Комиссара Временного правительства, рассматривалось бы союзниками не иначе как партизанское движение за свой риск и страх. Надо было подвести

**Хорват с членами Делового кабинета. Гродеково. 16 июля 1918 г. Слева направо:
В. Е. Алферьев, Д. Л. Хорват, А. М. Окоороков, В. А. Глухарев, М. О. Курский,
В. Е. Флуг, В. Я. Брандт, Л. А. Устругов**

под это движение фундамент государственности, дабы в случае успеха иметь возможность говорить от имени народа.

Я остановился на мысли образовать правительство из лиц, пользовавшихся общественным доверием, и 14 марта 1918 г. телефонировал об этом князю Кудашеву в Пекин. Причем прибавил, что многие иностранные представители мое намерение приветствуют, особенно японцы.

Приблизительно в это же время я получил телеграмму: на днях прибывает на станцию Манчжурия Сибирское правительство, прошу распоряжения предоставить отдельные вагоны. Статс-секретарь Моравский¹³.

О том, что делалось в Сибири, мы не имели никакого понятия. После большевистского переворота мы не получали ни газет, ни писем, благодаря большевистской цензуре, а пото-

му не имели никакого понятия о Сибирском правительстве, не зная ни его состава, ни платформы.

Благодаря сочувствию масс и заручившись поддержкой иностранцев, я чувствовал свое положение прочным. Не желая на первых же шагах своей деятельности давать повод союзникам обвинить меня в нетерпимости к демократичности, я решил пропустить в полосу отчуждения Сибирское Правительство. Дабы ознакомившись с ним и в случае приемлемости, включить его членов в состав проектировавшегося мною правительства.

Я полагал, что в составе правительства необходимо иметь сибиряков, имена коих известны населению. Познакомившись с составом Сибирского правительства, я убедился, что в нем нет сибиряков и что имена его членов Сибири неизвестны.

При моем первом свидании с председателем Сибирского правительства Дербером я спросил его, какой из сибирских губерний он уроженец¹⁴.

Дербер сказал мне, что он уроженец не Сибири, а Одессы. Ба! Да мы с вами, оказывается, одинаковые сибиряки, я так же, как и вы, уроженец Херсонской губернии, мы оба одной и той же губернии. Моравский оказался уроженцем Бессарабии. Колобов, бывший священник, преподаватель закона божьего в харбинском Коммерческом училище, удаленный за неуживчивость и вредную деятельность и т. д.

После некоторого пребывания в полосе отчуждения Сибирское правительство вошло со мной в переговоры, зондируя почву на предмет моего вхождения в состав Сибирского правительства. Одновременно с этим Сибирское правительство вело пропаганду среди служащих и рабочих дороги и призывало их к неповиновению администрации и забастовкам, о чем я был осведомлен.

Однажды я был приглашен к председателю Сибирского правительства Дерберу, который жил в отведенных мною ему вагонах. Я застал у него в сборе весь состав так называемого Сибирского правительства. По-видимому, я был приглашен для того, чтобы поставить ребром вопрос о моем вхождении в состав Сибирского правительства, что подтвердилось впоследствии.

Дербер произнес очень длинную речь, которую закончил обращением ко мне и спросил меня, как я отношусь к убийствам. Находя подобную публичную исповедь неуместной, я сказал, что я не беглый из тюрьмы уголовный преступник, а чин администрации, всегда стоявший на почве законности. Враг всяких насилий.

Деятельность моя была открытая и протекала у всех на глазах в течение нескольких десятков лет. Ответ на заданный мне вопрос г. Дербером, по-моему, всем ясен и полагаю, и самому г-ну Дерберу, ответ ему — это моя деятельность. Вопрос, заданный мне г-ном Дербером, я считаю каким-то недоразумением.

После моей реплики неловко было предлагать мне войти в состав правительства. Вопрос о моем вхождении в состав Сибирского правительства остался открытым. Я человек

сдержанный и не обидчивый, но на этот раз я не выдержал. Меня возмутил нахальный тон Дербера и его самоуверенность.

Чтобы дать понятие о Сибирском правительстве, я приведу мнение о нем одного из членов Сибирского правительства подполковника Краковецкого, в состав которого он был кооптирован в качестве военного министра¹⁵.

Краковецкий сам социалист, сподвижник Керенского, и он пришел к выводу, что социалистическая партия доказала неспособность справиться своими силами с задачами государственного управления, и новые попытки в этом направлении обречены на неуспех. Далее он говорит, что вполне осознает персональную неудовлетворительность этого (Дерберовского) правительства. Даже Дербер, Председатель Совета, был настолько малоизвестен, что он, сам Краковецкий, будучи партийным деятелем, никогда ничего о нем не слышал. Он вполне сознает также неудовлетворенность выборов, на коих зиждется Сибирское правительство.

Из ознакомления с программой Сибирского правительства, его методами борьбы и обнародованными лозунгами, мало чем отличавшимися от большевистских, я ясно видел, что коалиция с ним — это гибель затеянного нашего дела избавления русского народа от большевиков и восстановления нормальной жизни народа. Коалиция привела Временное правительство к гибели, повторять эту ошибку Временного правительства я считал нецелесообразным и даже преступным.

Сибирское правительство само осознавало свою деловую слабость и отсутствие популярности, а властвовать его члены хотели. Вот почему они шли на соглашение с центровыми элементами. Краковецкий говорит, что персональный состав Сибирского правительства неудовлетворительный, в том числе и Дербер, и социалисты для строительства государства не годятся. А в конце концов желает, чтобы в коалиционном правительстве большинство членов его были социалисты, и председатель правительства был социалист.

Переговоры общественных организаций с членами Сибирского правительства о коалиции привели к неожиданным для Сибирского правительства результатам. Дальневосточная Краевая Конференция партии народной свободы (КД), объединившись с представителями организаций Приморской, Амурской и Забайкальской областей, Иркутской губернии и полосы отчуждения КВЖД, вынесли резолюцию о недоверии Сибирскому правительству.

Не видя к себе сочувствия общественности в Харбине, группа членов Сибирского правительства усилила пропаганду революционную в Харбине и командировала в Пекин в качестве своих делегатов инженера Устругова и господина Стаали, дабы убедить посланников союзных держав, что они являются избранниками народа, и только они одни имеют право на признание их правительства державами¹⁶. Но хлопоты о признании Сибирского правительства успехами не увенчались.

Постановления общественных организаций и мнения наиболее заинтересованных держав убедили меня в необходимости сформировать правительство, т. е., вернее, политический его состав (так как нелегко было бы правительству жить на чужой территории) и объявить его, когда войдет на свою территорию.

Опыт Временного правительства и всевозможных консульств в Харбине убедили меня, что коллективная власть во время смуты невысказана. Согласовать миллион мнений и программ невозможно. Мы находимся в положении войны, а на войне нужна единоличная власть. История дает нам немало примеров, когда в тяжелые моменты народ вручал всю полноту власти одному лицу.

Я ясно видел, что только единоличная власть может сдвинуть дело с мертвой точки. Призыв общественных организаций побудил меня принять на себя всю полноту власти, и я послал об этом телеграмму нашему посланнику в Пекин.

На эту телеграмму князь Кудашев ответил, что лучший выход — это единоличная власть, т. е. согласился со мной.

Таким образом, вопрос об единоличной власти принципиально был решен в согласии с общественными организациями. Как видно, это решение удовлетворяло и нашего дипломатического представителя, поддерживающего отношения с посланниками союзных держав. Но, как я говорил раньше, объявлять об организации правительства в пределах Китая я не предполагал. Присутствие так называемого Сибирского правительства в Харбине обеспокоило Китайское правительство, о чем мне сообщил князь Кудашев.

Заявление китайцев и японского посланника в Пекине Хамши, выражавшее опасение, что я могу сформировать правительство в Харбине, которое начнет функционировать, и выразившее против этого протест, обеспокоили князя Кудашева. В это время прибыл в Пекин Адмирал Колчак, согласившийся принять мое предложение командовать всеми отрядами в полосе отчуждения.

Тут же находился по делам Русско-Азиатского банка директор Правления банка и член правления общества КВЖД Алексей Иванович Путилов.

После совещания с ними князь Кудашев телеграфировал мне: не имею ничего против того, чтобы в состав правления управления дороги вошли лица, которые при захвате нами обратно хоть части русской территории войдут в состав Правительства, и очень сочувствую тому, чтобы все отряды влились в состав железнодорожной охраны.

Это и было моим планом еще в декабре 1917 года, когда были разоружены дружины. Я уведомил князя Кудашева, что не замедлю прибыть в Пекин.

По приезде моем в Пекин я в первый раз увидел А. В. Колчака. Деятельность его мне, конечно, была известна, я слышал об его экспедиции в Ледовитом океане и хорошо был осведомлен о его выдающейся деятельности в Балтийском флоте, в Рижском заливе и в качестве командующего Черноморским флотом. Деятельность его как морского офицера была выдающейся, можно сказать, блестящей.

Во время революции А. В. Колчак также не растерялся и делал страшные усилия, чтобы оздоровить флот и армию и вызвать вновь ее боеспособность. Деятельность Колчака во время войны и во время революции сделали его известным всей России.

Я с большим интересом и волнением ждал встречи с А. В. Колчаком. Я хотел воочию убедиться, что выбор Колчака был правильным, что я не ошибся. Я понимал, что дальнейшая судьба нашего движения, нашей Родины находится в руках Колчака.

Я мысленно молил Бога, чтобы он помог Александру Васильевичу стать на правильный путь и внушил ему, что я преисполнен искреннего желания помочь ему, что я ничего не принесу в жертву своему самолюбию и честолюбию. Если бы вопросы честолюбия брали у меня верх над рассудком, то Колчаку на Дальнем Востоке не бывать.

Не знаю, уяснил ли себе свою роль Колчак и понял ли он, что только при взаимном доверии и симпатичном и бережном друг к другу отношении мы сможем благополучно пройти наш крестный путь. Конечно, никакими положениями, уставами, циркулярами наших отношений установить нельзя было.

Вы поймете, какое я испытывал нервное напряжение при первой встрече моей с А. В. Колчаком. Я старался разгадать его душу, его сокровенные мысли, я взвешивал каждое его слово и, в общем, у меня осталось впечатление, что Колчак относится ко мне подозрительно и даже неприязненно.

После обеда мы пили кофе в кабинете князя Кудашева. Я сидел накрест против Колчака, он рассказывал интересные эпизоды из своей жизни. Я, как-то забывшись, уперся взором в Колчака, может быть, и Вы, читатель, испытали такое чувство — смотрите куда-то в одну точку, а в голове какое-то отсутствие мысли, какая-то прострация, и после такой минуты я вновь вернулся к мысли о Колчаке. У меня по спине пробежал мороз, я вздрогнул.

Когда мы с женой остались одни, я ей рассказал о моем впечатлении, и той жути, которую я испытал при пристальном взгляде (маленьких — зачеркнуто. — А. Л.) черных со злым выражением глаза Колчака. Мое первое впечатление я объяснил нервностью, и был уверен, что когда Колчак увидит мое отношение к нему, к делу и людям, его предвзятость в отношении меня исчезнет.

И я с самым дружественным расположением к Александру Васильевичу приступил к разработке вопроса об организации Правления, инициаторами коего были Колчак, Путилов и князь Кудашев. Для выработки упомянутой в телеграмме Кудашева от 1 апреля программы и по окончании работы, сделав с Колчаком визиты союзным посланникам, мы отправились в Харбин.

Колчак очень нервничал и торопил меня, что лишило меня возможности заехать к Генерал-Губернатору Мукденской провинции Чжан Цзо Лину, который впоследствии занял видное место среди китайских деятелей, что, как я узнал впоследствии, обидело Чжан Цзо Лина, и он этот мой промах припомнил мне в тяжелые для нас минуты.

Согласно выработанного плана задача Колчака была ясна и определена. На нем лежало объединение всех отрядов под его командованием, приведение в порядок всех отрядов в полосе отчуждения, поднятие дисциплины в войсковых частях и подготовка их к бою.

Первые шаги в деле объединения были крайне трудные, отряды были недовольны заменой генерала Плешкова Адмиралом Колчаком. Адмирал приписывал недовольство отрядов интригам Плешкова, сразу порвал с ним отношения, тут же восстановил против себя и войска охраны КВЖД, коими командовал боевой генерал Самойлов.

Мне пришлось немало употребить усилий, потратить времени, чтобы урегулировать отношения Адмирала с генералами. Не ограничиваясь ролью командующего войсками, Адмирал

распространил свою деятельность на политику и внутреннюю жизнь полосы отчуждения, причем не сообразованных с установленными мною положениями и директивами, что вносило двойственность и подрывало авторитет власти и доверия к нам иностранцев.

Но все что делал Колчак, он делал с такой искренностью и пылкостью, что у меня не хватало духу на него сердиться. Мы, пересмотрев каждый раз спокойно происшедшее недоразумение, приходили к дружному и правильному решению, меня подкупала его прямота и откровенность и во многих вопросах детская наивность.

Я его искренне любил как горячего патриота, человека кристальной честности и кипучей энергии и решительности и мне жаль было его, когда он пустяками создавал сам себе затруднения и врагов.

С первого дня своего приезда он вооружил против себя японскую военную миссию, во главе которой стоял генерал Накашима, и этим очень затруднил работу.

По возвращении из Пекина в Харбин я получил из Токио несколько сообщений от посла Крупенского, которые свидетельствовали о том, что самостоятельность Японии в деле

К. А. Хорват на могиле Д. Л. Хорвата. 1938.

оказания нам помощи союзниками ограничена. Япония утратила инициативу в деле оказания помощи антибольшевистскому движению на Дальнем Востоке, и наконец, что мы вовлечены в сложную интригу, ведущуюся союзными державами.

Семенов, узнав о прибытии в Пекин Колчака, с целью закрепить за собою положение начальника отряда и репутации активного борца за Родину, вновь перешел в наступление против большевиков, опять потерпел неудачу и отошел в пределы Манчжурии.

Неудачные выступления Семенова начали возбуждать неудовольствие Китайского Правительства и китайцы заявили мне, что они Семенова разоружат. Свое намерение они легко могли привести в исполнение, так как после схваток с большевиками отряды Семенова возвращались в пределы Манчжурии деморализованными и дезорганизованными.

Пришлось мне приехать в Цицикар к Генерал-Губернатору Бао и убедить его к этой мере не прибегать. Их акт будет идти вразрез с намерениями союзников, поддерживающих движение. Генерал Бао согласился не прибегать к разоружению, но просил меня удерживать Семенова от необдуманных шагов.

20 апреля 1918 года Адмирал Колчак приехал в Харбин. Уступая настояниям своих японских советников, Семенов в первых числах мая, игнорируя Адмирала Колчака, вновь перешел в наступление и сначала имел успех. Дошел до станции Оловянная у реки Онон и перебросил свой авангард на другой берег, но там, встретив главные силы большевиков, постепенно отошел к станции Манчжурия. Ясно было, что мы не готовы были еще для нанесения большевикам серьезного удара.

Семенов, прибывший в Харбин по моему вызову на совещание, имевшее место 26 мая 1918 года, так описал положение на фронте, что весь этот наивный доклад свидетельствовал, что Семенов не способен командовать отрядом и руководить военными действиями, а потому посылка войск под его командование была признана бесполезной.

Весь этот эпизод носил характер выступления не столько против большевиков, сколько против Колчака. Отправить все войска к Семенову под его маломудрое командование значило обессилить Адмирала Колчака и обречь все силы на разгром под командованием Семенова.

Потому я решил предложить Семенову, если он не может держаться на Ононе и у Нерчинска, отступить к Китайской границе, и что если бы он не удержался в пределах Забайкалья, его отступление прикроют части, находящиеся в полосе отчуждения. Войска же в его распоряжение отправлены не будут.

Из телеграмм посла Крупенского уже в середине мая 1918 года стало ясно, что Семенов несамостоятелен и находится под влиянием окружающих его японских офицеров. После решения союзников образовать общий совместно с японцами в Сибири фронт, японцы начали торопить наше выступление против большевиков и поддерживали сепарации тех, кто шел им в этом направлении навстречу. Вот почему, не отказываясь от поддержки более солидных организаций, во главе которых я стоял, они сепаратно помогали и тем, кто, следуя

их планам как Семенов, зная, что его выступление обречено на неудачу, все же выступили против большевиков.

Точно так же, увлекаясь активностью Семенова, ему оказал сепаратную поддержку и французский офицер, прикомандированный к французскому послу в Пекине капитан Пелье. Он ни разу не передал мне денежных средств на формирование отрядов, а передавал их непосредственно Семенову, а меня об этом даже не ставил в известность.

То же делал и состоящий при генерале Накашима майор Кураки, но этот все же считал своим долгом ставить меня в известность об переданных Семенову суммах. К выступлению же мы не были готовы. У Семенова шли в бой люди без оружия и не экипированные, как он сам заявил, рота отказалась идти в бой, так как была без обуви босой.

¹ Начало см.: *Луговая А. В. «У меня на руках было большое русское дело...»: Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата (часть I) // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 191–223.*

² Накашима — генерал, дипломат, глава японской военной миссии в Маньчжурии (Харбин). По требованию А. В. Колчака отозван из России в 1918 г.

³ Пелье — капитан, представитель Франции. Находился при штабе ОМО (Особый Маньчжурский отряд) атамана Семенова. Вместе с ним были другие иностранные военные атташе: японский капитан Кураки и английский майор.

⁴ Видимо, речь идет об одном из сыновей Игнациуса Сергея Владимировича (1860–1906), известного инженера, выпускника института путей сообщения, одного из строителей КВЖД.

⁵ Сато Настаке (1882–?). Японский дипломат. Атташе японского посольства в Петербурге (1906). Генеральный консул в Харбине (1914), советник посольства во Франции (1921), посланник в Польше (1923), посол в Бельгии (1930), одновременно исполнял обязанности японского делегата в Лиге наций. Посол во Франции (1933–1936). Министр иностранных дел Японии (феврале-июне 1937). Посол в СССР (1942–1945).

⁶ Каваками Тосицунэ. Во время русско-японской войны служил переводчиком при штабе японской армии. Генеральный консул в Харбине после открытия там консульства Японии (1907). Тэраути Масатакэ (1852–1919). Маршал, премьер-министр Японии (1916–1918). Выступал за расширение военной экспансии в Китае. В 1904–1910 гг. — военный министр. С июля 1910 г. — генеральный резидент в Корее. Завершил процесс аннексии Кореи, которая перестала существовать как независимая страна и превратилась в генерал-губернаторство Тёсэн. Первый генерал-губернатор Кореи. Пребывание у власти Тэраути было отмечено беспорядками, случившимися в Японии в XX в., едва не переросшими в общенародное восстание и получившими название «рисовые бунты». В сентябре 1918 г. был вынужден уйти в отставку.

⁷ Чарльз Мозер (1877–?). Родился в Марионе, штат Вирджиния. Работал продавцом в компании по переработке фруктов в Калифорнии, был корреспондентом; юристом. Консул США в Адене (1909–1911); Коломбо (1911–1914); Харбине (1914–1919); Тифлисе (1921). Место смерти неизвестно. Мозер положительно отзывался о правительстве П. Я. Дербера и его программе, хотя и считал, что его члены не имеют опыта государственной работы.

⁸ Дуань Ци-Жуй (1864–1936), китайский военный и политический деятель. Военный министр в правительстве Юань Ши-Кая (1912), премьер-министр (1916–1918). В 1918 г. подписал с Японией ряд военных соглашений,

направленных против советской России, в том числе об отправке китайских войск в Сибирь. Ушел в отставку под давлением западных держав (конец 1918), изгнан из Пекина (1920). Президент и премьер-министр китайского правительства (1924–1926). После 1926 г. политической деятельностью не занимался.

⁹ Кудашев Николай Александрович (1868–1925). Русский дипломат, первый секретарь российского посольства в Токио (1902), в Константинополе (1906). Временный поверенный в делах России в США (1910–1913). Директор Дипломатической канцелярии в Ставке Верховного Главнокомандующего, осуществлявшей координацию деятельности Ставки и МИДа (1914–1916). Посланник в Китае (1916–1920).

¹⁰ Синкэй Кураки. Майор японской Квантунской армии. Поддерживал атамана Г. М. Семенова.

¹¹ Колчак Александр Васильевич (1874–1920). В 1894 г. окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в научной Северной полярной экспедиции. Командир эсминца, позже береговой батареи в Порт-Артуре в 1904–1905 гг. Начальник оперативного отдела Балтийского флота, командующий Черноморским флотом в Первую мировую войну. В августе 1917 г. выехал во главе российской военно-морской миссии в Великобританию и США. Военный и морской министр правительства Директории (октябрь 1918 г.). Верховный правитель России (ноябрь 1918 г.), его поддержали США и страны Антанты. В результате военных поражений в декабре 1919 г. поезд Колчака блокировали в Нижнеудинске чехословаки. В январе 1920 г. чехи выдали адмирала его противникам. 7 февраля 1920 г. Колчака вместе с премьером В. Н. Пепеляевым расстреляли.

¹² Сэр Джон Джордан (1852–1925). Британский дипломат ирландского происхождения. Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр от Соединенного Королевства в Империи Цин (1906–1910). Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр от Объединенного Королевства в Республику Китай (1910–1920).

¹³ Моравский Валериан Иванович (1884–1942). Служил в Министерстве земледелия (1916). Депутат Петроградского Совета (1917). Член Сибирского правительства, заведовал Министерствами продовольствия и снабжения, путей сообщения, «почт и телеграфов». В 1920 г. вошел в комитет по борьбе с большевизмом во Владивостоке и издавал газету «Вечер». Сыграл главную роль в сборе документов о «русском золоте», ушедшем за границу, составил сводную справку «Русское золото за границей» (1923).

¹⁴ Дербер Петр Яковлевич (1888–1938). Эсер, один из лидеров сибирских областников. С зимы 1918 г. — глава Временного Сибирского правительства; опасаясь ареста, бежал в марте в Харбин. 29 июня во Владивостоке, занятом чешскими частями, объявил себя главой Временного правительства автономной Сибири (с 30 июля — министр иностранных дел), которое в октябре самораспустилось. В ноябре 1918 г., с переворотом Колчака, арестован и 31 ноября 1918 г. приговорен к расстрелу. Освобожден местными воинскими частями, восставшими в конце декабря 1918 г.

¹⁵ Краковецкий Аркадий Антонович (1884–1937). Эсер с 1905 г., член Военной организации в Польше. В 1907 г. арестован, провел 8 лет на каторге, до 1917 г. находился в ссылке в Сибири. Произведен Керенским в подполковники (1917). Председатель Иркутского Совета военных депутатов, помощник командующего войсками Иркутского военного округа. Заместитель командующего Петроградским военным округом. Представитель организации «областников» при штабе Г. М. Семенова. Военный министр Сибирского правительства и правительства Дербера. Глава военного мятежа во Владивостоке, был разбит японцами, бежал к чехословакам (ноябрь 1919 г.). Эмигрировал в Чехословакию, стал одним из первых советских разведчиков. Вернулся в РСФСР (1921), член РКП(б). Полпред в Албании (1924), консул в Мукдене (1926). Сотрудник Экономического управления ОГПУ (1928–1933). Арестован и расстрелян (1937). Реабилитирован (1957).

¹⁶ Стааль Алексей Федорович (1872/73–1949). Прокурор Временного правительства (1917). Вместе с министром путей сообщения Временного Сибирского правительства (27 января [9 февраля] 1918 г. — октябрь 1918 г.) Л. А. Уструговым был отправлен с миссией в Пекин. Им поручалось провести переговоры с аккредитованными в Пекине дипломатами Антанты по вопросу признания державами правительства авто-

номной Сибири. В эмиграции жил в Париже, занимался юридической практикой, участвовал в жизни русских организаций.

«There was a great Russian affair in my hands...» Memoirs From the Archive of General D. L. Khorvat (part II).

Published by A. V. Lugovaya

AUTHOR: Head of The «New Museums and Exhibitions» Department, State Museum-Reserve «Peterhof» (Saint-Petersburg); an.lugovaya@yandex.ru

REFERENCES:

¹ *Lugovaya A. V. «U menya na rukax by'lo bol'shoe russkoe delo...»: Vospominaniya iz arxiva general-lejtenanta D. L. Xorvata (chast' I) // Novejshaya istoriya Rossii. 2012. N 2.*